

Пяткин С. Н. Исторический нарратив поэмы Есенина «Пугачев» как диалог-соперничество с Пушкиным / С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 237—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-237-250.

Pyatkin, S. N. (2017). Historical Narrative of Yesenin's Poem "Pugachev" as Dialogue-Rivalry with Pushkin. *Nauchnyy dialog*, 12: 237-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-237-250. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 82.091+821.161.1Есенин.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-237-250

Исторический нарратив поэмы Есенина «Пугачев» как диалог-соперничество с Пушкиным

© Пяткин Сергей Николаевич (2017), orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, доктор филологических наук, профессор, директор, Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья посвящена анализу историзма есенинской поэмы «Пугачев» (1921) в свете концепции национальной истории А. С. Пушкина, где на первом плане присутствуют его произведения, объединенные «пугачевской» темой. Новизна исследования заключается в том, что впервые делается попытка литературоведческого прочтения полемического диалога Есенина с Пушкиным, отразившегося в замысле поэмы «Пугачев» и определившего идейно-философские конструкты есенинского историзма. Особое внимание в статье уделяется роли предания в историософских позициях Пушкина и Есенина, их связи с христианской аксиологией, а также месту есенинского трактата «Ключи Марии» в становлении художественной философии истории ее автора, явленной в драматической поэме «Пугачев». Делается вывод о том, что историческое событие у Есенина становится вспомогательным материалом для создания нового предания, по своим ценностным значениям внеположного принципам пушкинского историзма. Автор утверждает, что в полемическом диалоге Есенина с Пушкиным, выразившемся в декларативном обращении позднейшего поэта к одной из значимых в этико-художественном отношении тем своего предшественника, следует видеть характерное для Есенина этих лет творческое отстаивание собственных позиций в современной ему литературе.

Ключевые слова: Пушкин; Есенин; «Капитанская дочка»; «Пугачев»; «Ключи Марии»; исторический нарратив; историзм; предание; жизнетворчество.

1. Вводные замечания

В подавляющем большинстве работ, посвященных изучению традиций в драматической поэме «Пугачев», с завидным постоянством указы-

вается на воспоминание И. Розанова, согласно которому Есенин, контурно определяя идейно-тематический «формат» своего будущего произведения о пугачевском восстании, полемически противопоставляет его историко-художественной позиции Пушкина, выраженной в «Капитанской дочке» и «Истории пугачевского бунта».

«Я несколько лет, — говорил Есенин, как это запомнил со слов поэта И. Розанов, — изучал материалы и убедился, что Пушкин во многом был не прав. Я не говорю уж о том, что у него была своя, дворянская точка зрения. И в повести, и в истории. <...> Я очень, очень много прочел для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно. Прежде всего сам Пугачев. Ведь он был почти гениальным человеком, да и многие другие из его сподвижников были людьми крупными, яркими фигурами, а у Пушкина это как-то пропало» [Розанов, 1986, с. 439].

Однако, в чем единодушно сходятся многие интерпретаторы «пушкинского влияния» в поэме «Пугачев», Есенин фактически следует в своем произведении канве «Истории пугачевского бунта» [Мусатов, 1998, с. 89—101; Кузьмищева, 2001; Кубанев, 2006]. Да и опыт изучения творческой истории поэмы, широко и полно представленный в исследовании Н. И. Шубниковой-Гусевой, свидетельствует о том, что основным (а может быть, и единственным!) источником есенинской «трагедии в стихах» следует считать пушкинский труд [Шубникова-Гусева, 2001, с. 115—128]. А потому и слово «многое», часто повторяющееся поэтом в воспоминании И. Розанова, наверное, необходимо относить на счет внимательного изучения Есениным приложений к шестому тому «Полного собрания сочинений Пушкина» (СПб., 1900) в виде манифестов, указов, рапортов, писем и сказаний современников о пугачевском бунте.

В начале 20-х годов Есенин, по мнению В. В. Мусатова, «фактически» вступая «в борьбу за место поэта в истории» и стремясь создать «подлинно эпохальную поэзию», выходил на «ключевые пушкинские темы»; сам же Пушкин осмысливался Есениным в этих поисках прежде всего как «драматический поэт» [Мусатов, 1998, с. 88—89].

В то же время, как далее убедительно доказывает В. В. Мусатов, анализируя «пушкинский след» в «Пугачеве» Есенина, новейший поэт воплощает в своей поэме «не-пушкинскую» идею причин поражения восстания. И «центральный пункт расхождения» Есенина с Пушкиным видится В. Мусатову в том, что «Есенин не находил ни в “Истории Пугачева”, ни в “Капитанской дочке” проникновения в “шкуру” мужика, в ту субстанциональность крестьянского существования, о которой говорили его “Ключи Марии”» [Там же, с. 99].

Примечательно в связи с этим суждение новейшего исследователя: «... зрелому поэту Есенину так хотелось рассказать о другом, чем у Пушкина, Пугачеве, написать Емельяна Пугачева так, чтобы он стал понятным и своим — и для мужиков села Константиново, и для соотечественников других сотен тысяч российских сел, проживающих грозную эпоху перемен XX века (курсив наш. — С. П.)» [Севастьянова, 2015, с. 73].

Как видим, получается довольно странная картина: претендуя на «пушкинскую» роль поэта-историка и сознательно следуя за Пушкиным в художественно-драматическом осмыслении истории, Есенин столь же сознательно манифестирует почти что «несостоятельность» Пушкина-историка. Репрезентативный ряд исследований, освещающих проблему историзма в есенинской поэме «Пугачев», подтверждая объективность этих «сознательных установок» Есенина, вместе с тем не дает четких обоснований такому противоречию. В работах данного направления, как правило, широко и детально характеризуется оригинальная есенинская позиция в осмыслении трагической судьбы пугачевщины как крестьянского бунта, но недостаточно проясняется суть отличия этой позиции от пушкинской в историко-художественном выражении онтологии национального бытия. А именно здесь, на наш взгляд, и проходит глубинная «линия расхождения» Есенина с Пушкиным, порождая у новейшего поэта по отношению к своему великому предшественнику упрек, казалось бы, сугубо социального характера.

2. «Пугачевская» тема у Пушкина и Есенина: история и предание

С нашей точки зрения, на эту «линию расхождения» довольно-таки отчетливо указал Н. Клюев в письме к Есенину от 28 января 1922 года. Восторженно приветствуя появление драматической поэмы «Пугачев», Клюев писал ее автору: «“Пугачев” — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовой воздух 16—17 века. И последняя Византия» [Клюев, 2003, с. 99].

При помощи всего лишь нескольких «самовитых» слов Клюев дает не просто одну из первых оценок есенинскому «Пугачеву», но и прозорливо указывает на те существенные черты мира, изображенного в этом произведении, что будут в дальнейшем — и в критике, и в науке — своего рода исходными точками в построении целостных суждений о драматической поэме Есенина.

Ставя перед собой задачу дать представление о природе расхождения Есенина с Пушкиным относительно художественного отражения нацио-

нальной истории как специфической формы культурно-творческого диалога поэтов, мы в своих рассуждениях в качестве своеобразного плана будем придерживаться эпистолярного высказывания Н. Клюева, позволяющего последовательнее охарактеризовать творческую логику этого расхождения. И речь в данном случае просто не может идти только о сфере художественного претворения Есениным и Пушкиным «пугачевской темы». Цитата из клюевского письма, где обозначено, на первый взгляд, сопоставление несколько иного, хотя и предметного характера («Пугачев» и «Борис Годунов»), по нашему мнению, отражает лишь желание автора «Избятных песен» отчетливее передать разность мировоззренческих подходов в художественном осмыслении истории у Пушкина и Есенина спроецированную на сопоставимые по своим жанровым модусам произведения. И в этом отношении, думается, нет смысла заниматься, по сути дела, дублированием богатого аналитического материала, накопленного как в есениноведении, так и в пушкиноведении. Здесь важна расстановка акцентов, способствующая не только попытке решения названной проблемы, но и сообщению самой проблеме качественно другого статуса, принципиально изменяющего понимание сущности культурно-творческого диалога Есенина с Пушкиным в начале 20-х годов.

В первых критических откликах и рецензиях на поэму Есенина довольно часто подчеркивалась одна и та же мысль, которая с наибольшей прямоотой прозвучала, пожалуй, у Л. Троцкого: *«Емелька Пугачев, его враги и сподвижники — все сплошь имажинисты. А сам Пугачев с ног до головы Сергей Есенин...»* (курсив наш. — С. П.)» [Троцкий, 1991, с. 63].

И Троцкий, и другие критики, отмечавшие тождество героя и автора есенинской поэмы, в качестве простого и очевидного в данном случае доказательства указывали, в первую очередь, на то, что Пугачев, как и все действующие лица драматической поэмы у Есенина, говорит тем же образным языком, что и герой лирики поэта тех лет. Но дело здесь, разумеется, не в одном только языке.

Идеи, прозвучавшие из уст разных персонажей поэмы, но объединенные самобытной стилистической и интонационной структурой художественного высказывания, характерной для лирики Есенина так называемого «имажинистского» периода творчества, сплавляются в тексте произведения в один разноплановый по своим содержательным векторам монолог автора. И этот монолог не столько является функциональным отражением атмосферы и перипетий исторического события, за которым стоит конфликт национального масштаба, сколько служит выявлению автором особой сущности данного конфликта в соответствии с особым авторским

представлением о константах мифологического сознания русского народа, где исторические реалии становятся лишь канвой повествования.

В приведенном выше высказывании В. В. Мусатова отсылка к «Ключам Марии» весьма примечательна, поскольку в этом художественно-философском трактате поэта стоит искать истоки его, *есенинской*, идеи трагедии Пугачева, равно как и философского смысла поэмы, и «общего осознания» одного из исключительных событий русской истории. Собственно говоря, этим утверждением мы, конечно же, никакой Америки не открываем, так как в есениноведческих работах последних 10—15 лет данная точка зрения является доминирующей. Так, О. Е. Воронова, рассматривая драматическую поэму «Пугачев» в едином контексте с «Ключами Марии» как опыт реконструкции «архаического» сознания, справедливо указывает, что «историческое событие словно бы вычленяется из линейного потока времени и оценивается сквозь призму космологического сознания, для которого характерна нерасчлененность природных и исторических координат временного пространства. <...> Природа и История предстают в поэме Есенина как нечто неразложимое, цельное, как неотъемлемые и взаимосвязанные стороны органического бытийного процесса» [Воронова, 2002, с. 99].

Несколько ранее схожая с этой точка зрения была высказана в работах Ст. Ю. Куняева и А. Н. Захарова [Куняев, 1992; Захаров, 1995, с. 51—59]. Здесь, в основном, так же, как и у Вороновой, говорится о разрушении равновесия «растительного», «животного» и «человеческого» в изображенном мире поэмы, об утрате единства с природой как явлениях, дающих представление о парадигме историко-художественного мышления Есенина, в которой методология «Ключей Марии» воплощена в содержании лирической драмы Есенина.

Несложно заметить, что в этой парадигме не то чтобы смещается в свои периферийные зоны, но и практически вовсе «снимается» идея христианского осознания исторического события. Данный факт, вполне, на наш взгляд, очевидный, есениноведы, как правило, оставляют без внимания, хотя он, кажется, прямо указывает на то, что в «Пугачеве» получают свое дальнейшее развитие художественно-философские взгляды поэта на онтологию национального мира, весомо проявившиеся в «необиблейском эпосе» Есенина в качестве творческой ревизии христианского традиционализма. Точнее говоря, особая поэтическая «модель» этой онтологии, определенная сакральным откровением «Инонии» и закрепленная гносеологическими положениями трактата «Ключи Марии» (см.: [Никё, 1997]) как фундаментальный житнетворческий миф в художественном сознании

Есенина рубежа 10—20-х годов, обуславливает и своеобразную историософскую трактовку пугачевского бунта.

Вместе с тем, говоря об аксиологической системе, воплощенной в драматической поэме Есенина, следует указать на точку зрения Н. И. Шубниковой-Гусевой, по мнению которой в есенинском «Пугачеве» весьма ощутим евангельский подтекст. Наблюдения, которые сделаны в данном плане названным комментатором поэмы, вполне состоятельны. Однако и оговорки, которые не раз делает Шубникова-Гусева, анализируя функции евангельских мотивов и символики в тексте «Пугачева», также довольно существенны. Особенно здесь симптоматичен центральный тезис исследования: «В “Пугачеве” Есенин не только использует явные и неявные евангельские аллюзии, но и воскрешает, порой в прямо противоположном значении, библейские мифы и притчи...» [Шубникова-Гусева, 2001, с. 178].

Н. И. Шубникова-Гусева убеждена, что сюжет есенинского «Пугачева» имеет выраженные переключки с евангельским сюжетом об Иисусе и его двенадцати учениках, фактически являющимся прототекстом драматической поэмы Есенина. В русле этой гипотезы трактовка есенинского героя как «мужицкого Христа» просто неизбежна, что, с одной стороны, ведет к признанию сакрального характера изображенного мира поэмы, *есенинской истории* пугачевского бунта, но, с другой, вынуждает признать опрошенный, сниженный смысл *евангельской истории*, которая становится у поэта не индикатором христианской традиции в произведении, а литературным приемом. Заметим, что гипотеза Н. И. Шубниковой-Гусевой весьма перспективна при сопоставительном изучении евангельского подтекста в «Пугачеве» Есенина и поэме Блока «Двенадцать». На наш взгляд, в этих произведениях историческое событие, исключительное для судьбы всей нации, не поверяется евангельским сюжетом, а, по сути дела, авторской волей становится им, манифестируя подлинную сакральную сущность изображенного и невольно уподобляя сам евангельский текст мистерии. В этой перспективе, если вспомнить самооценку Есениным поэмы, «Пугачев» действительно «вещь революционная». И не только с историко-художественной точки зрения. Такого рода использование («в *прямо противоположном значении*») христианских текстов, равно как и христианских таинств, в поэзии Есенина можно проследить не только в его «необиблейском эпосе», но и в более позднем программном произведении поэта — «Исповеди хулигана», написанном в один год с «Пугачевым» (см.: [Пяткин, 2005]).

В связи с этим нужно вспомнить, что первый поэтический опыт художественного отражения русской истории у Есенина — поэмы «Марфа Посадница», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате» — «основан на синте-

зе фольклорно-эпической и духовно-религиозной традиций и является попыткой своеобразного христианизированного эпоса» [Воронова, 2002, с. 68]. Органичность «христианизированного эпоса» в творческом сознании Есенина 1914—1917 годов наглядно подтверждается этико-художественным содержанием ранней лирики поэта. И в целом, о чем убедительно пишут современные исследователи есенинской поэзии, здесь, повторимся, необходимо говорить о христианско-религиозной концепции мира, воплотившейся в раннем творчестве поэта и впитавшей в себя и опыт «эпического православия» древнерусской книжности, и опыт «народного православия» русского фольклора, см.: [Павловски, 1997; Воронова, 2002, с. 17—196; Михаленко, 2005; Есаулов, 2004, с. 353—374]. Но не менее важно в данном отношении то, что художественный мир есенинской поэзии этих лет внутренне связан с народными преданиями, как правило, тематически относящимися к сфере религиозного самосознания нации. И первые исторические поэмы Есенина служат наглядным подтверждением этой теснейшей духовной связи, проявляющейся практически на всех уровнях парадигматики и синтагматики произведений. Авторское «я» поэта, если воспользоваться здесь философскими формулами Х.-Г. Гадамера, находится «внутри предания», обнаруживая «непредвзятое слияние с преданием» [Гадамер, 1988, с. 334].

Собственно, этот тезис вполне можно считать и одной из значимых характеристик историко-художественного мышления Пушкина. Известное аксиоматичное утверждение В. Г. Белинского — «Пушкин был человеком предания гораздо больше, нежели как об этом еще и теперь думают» [Белинский, 1981, с. 526], высказанное критиком на страницах очерка о «Борисе Годунове» («Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая»), в научной литературе о поэте, по сути, использовалось в качестве отправной точки в самых различных по своим концептуальным подходам истолкованиях проблемы историзма Пушкина [Энгельгардт, 1916; Греков, 1937; Тойбин, 1976; Эйдельман, 1984; Кибальник, 1998; Мальчукова, 1999; Сквозников, 1999; Кошелев, 2000]. И сам поэт признавал за преданием перво-степенный статус, формирующий «общее осознание» русской истории, что неоднократно подчеркивалось им в публицистических работах и что, на наш взгляд, лежит в основе идейного осмысления и творческого воплощения Пушкиным «пугачевской темы».

Марина Цветаева в очерке «Пушкин и Пугачев», размышляя над, с ее точки зрения, парадоксом творческой логики поэта в работе над «пугачевской темой» — от «Истории пугачевского бунта» к «Капитанской дочке», а не наоборот («будь “Капитанская дочка” написана первой, было бы есте-

ственно»), изумленно вопрошала: «Как Пушкин *своего* Пугачева написал — *зная?* (курсив автора. — С. П.)» [Цветаева, 1999, с. 602].

А, наверное, для общего понимания пушкинской концепции истории и ее художественного отражения в творчестве поэта никакого парадокса и нет. Пушкину, задумавшему в 1833 году роман о пугачевском восстании, необходимо было сначала в «духе Карамзина» воссоздать летопись этого исторического события посредством «ученого сличения преданий» и «остроумного изыскания истины», чтобы потом, творчески оперируя данной летописью как безусловным историческим материалом, создать семейное предание — повесть «Капитанская дочка». Подчеркнем, что повесть Пушкина является не художественным эквивалентом его же исторического полотна о пугачевском восстании (вероятно, отождествление такого рода допускал С. Есенин, высказываясь о пушкинской «неправоте» в трактовке образа Пугачева), и не одним из преданий, «растворенным» в канве повествования «Истории пугачевского бунта», а частным, единичным событием этого времени, по Пушкину, «романически» представленным как «истинное происшествие», где в перипетиях динамического сюжета обретают высокий художественный смысл ценностные основания национального образа мира.

Как справедливо считает В. Кошелев, «для Пушкина-художника здесь оказалось важнее не отразить действительно зафиксированные в исторических источниках факты, а раскрыть высшую национальную сущность воплотившегося в этих фактах русского “норова”» [Кошелев, 2000, с. 335]. В данном отношении заслуживает внимания и мнение Н. Скатова, полагающего, что «“Капитанская дочка” — это семейная “эпическая” жизнь», свидетельствующая о том, «сколько крепко внутренний родовой человеческий национальный корень... перед лицом драматичнейшего исторического испытания» [Скатов, 1991, с. 221]. Экспликация в этой «высшей национальной сущности» доминант религиозно-православного сознания русского народа, что, конечно же, не только допустимо, но и закономерно, обнаруживает один из имманентно присущих национальной картине мира принципов духовно-генетического единства истории и предания. Данный принцип как самодостаточное явление в понимании идейно-художественной целостности содержания исторического произведения, усиленное особым вниманием к реалиям текста, возможно, и дает основание Н. Клюеву видеть, не в пример есенинскому «Пугачеву», в «Борисе Годунове» Пушкина «последнюю Византию». По крайней мере, то, как осознавал Клюев духовную сущность «византийства», ее соприродность языческим верованиям русского народа, в целом, не противоречит нашему заключению.

В есенинском «Пугачеве» историческое событие становится для автора вспомогательным материалом для создания *нового предания*. Как точно отмечает И. Могилева, «утопия автора “Радуницы” с самого начала пыталась подчинить себе историю» [Могилева, 2002, с. 13]. В «Пугачеве» этот процесс «подчинения» входит в свою завершающую стадию, художественно реализуя религиозно-утопические взгляды автора поэмы на мифогенезис русской духовной культуры, ранее уже получившие статус и формы пророческих откровений.

Это качество драматической поэмы Есенина вкупе с ее идиостилем, думается, и образует поразительный художественный эффект присутствия изображаемого события в современности, что также отмечалось во многих первых критических отзывах о «Пугачеве» и что, по всей видимости, давало повод Н. Клюеву считать «Пугачева» «нужней и желаннее» пушкинского «Бориса Годунова», см.: [Беляева, 1984; Щедрина, 2005]. И это же качество, как перспектива авторского замысла «трагедии в стихах», в принципе, дает основание сомневаться не только в пушкинской «правоте» относительно освещения пугачевского восстания, но и в любой другой точке зрения на это событие, в том числе и обусловленной марксистско-ленинской философией истории, где пугачевщина «выгодно» для поэта крестьянских корней трактуется как один из этапов народного освободительного движения. Характерной чертой советского исторического нарратива, по мнению Ю. Шатина, является то, что он не отвергает предания как такового, а подвергает его редукции, активизируя те содержательные элементы предания, которые соответствуют заранее определенной идеологической схеме [Шатин, 2002].

3. Выводы

По большому счету, за полемическим диалогом Есенина с Пушкиным, вызванным декларативным обращением позднейшего поэта к одной из значимых в этико-художественном отношении тем своего предшественника, располагается характерное для Есенина этих лет творческое отстаивание собственных позиций в современной ему литературе. И постулирование принципов данной позиции, и их художественное претворение продолжает, правда, в уже скрытом виде, текстопостроение жизнетворческого фундаментального мифа, прямо соотносящегося с пророческим заданием авторского «я» «необиблейского эпоса» и гносеологическими положениями «Ключей Марии», см.: [Пяткин, 2010, с. 58—83]. В проекции этого жизнетворческого мифа и получает в есенинском «Пугачеве» свое художественное решение историческая тема, принципиально не совпадающая,

прежде всего, по ценностным значениям с пушкинскими произведениями о пугачевском восстании.

В работе Х. Блума «Страх влияния» во многом схожая форма творческого отношения новейшего поэта к своему предшественнику именуется даймонизацией, суть которой — «движение к персонализированному Контр-Возвышенному, как реакция на Возвышенное предшественника». «Позднейший поэт, — поясняет далее Х. Блум, — открывается тому, что он считает силой родительского стихотворения, принадлежащей не самому родителю, но сфере бытия, стоящей за этим предшественником. Он устанавливает такое отношение своего стихотворения к родительскому, что уникальность раннего стихотворения становится сомнительной» [Блум, 1998, с. 18—19].

Заключительный тезис американского ученого вполне отражает природу и сущность есенинского замысла драматической поэмы о Пугачеве, как этот замысел выговаривается в процитированном выше воспоминании И. Розанова.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1976—1982. — Т. 7: Статьи, рецензии и заметки. — 1981. — 799 с.
2. *Беляева Т. К.* Драматическая поэма С. Есенина «Пугачев» (о влиянии имажинизма на творчество Есенина) / Т. К. Беляева // С. А. Есенин. Поэзия. Творческие связи. — Рязань : РГПИ, 1984. — С. 70—83.
3. *Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания / Х. Блум. — Екатеринбург : Уральский университет, 1998. — 352 с.
4. *Воронова О. Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура : монография / О. Е. Воронова. — Рязань : Узорочье, 2002. — 520 с.
5. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 704 с.
6. *Греков Б. Д.* Исторические воззрения Пушкина / Б. Д. Греков // Исторические записки : сборник статей. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1937. — Т. 1. — С. 3—28.
7. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности : монография / И. А. Есаулов. — Москва : Круг, 2004. — 562 с.
8. *Захаров А. Н.* Поэтика Есенина : монография / А. Н. Захаров. — Москва : Международная академия информатизации, 1995. — 224 с.
9. *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина / С. А. Кибальник. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — 198 с.
10. *Клюев Н. А.* Словесное древо : проза / Н. А. Клюев. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с.

11. Кошелев В. А. Пушкин : история и предание : очерки / В. А. Кошелев. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 360 с.
12. Кубанев Н. А. Поэма Есенина «Пугачев» в контексте традиций Пушкина / Н. А. Авдеева, Н. А. Кубанев // Сергей Есенин и литературный процесс : традиции, творческие связи : сборник научных трудов. — Рязань : Пресса, 2006. — С. 18—28.
13. Кузьмищева Н. М. Восстание Е. Пугачева в восприятии А. Пушкина и С. Есенина / Н. М. Кузьмищева // Пушкин и Есенин : Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 2001. — С. 170—181.
14. Куняев Ст. Трагедия стихии и стихия трагедии / Ст. Куняев // Литературная учеба. — 1982. — № 4. — С. 82—88.
15. Мальчукова Т. Г. Пушкин как национальный и политический мыслитель / Т. Г. Мальчукова // Духовный труженик : А. С. Пушкин в контексте русской культуры. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — С. 262—293.
16. Михаленко Н. В. Символика иконной цветописы в ранней лирике Есенина / Н. В. Михаленко // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд : материалы Международной научной конференции. — Рязань : РГПИ, 2005. — С. 352—356.
17. Мишель Никё. Гностические мотивы в «Ключах Марии» Есенина / Никё Мишель // Столетие Сергея Есенина : Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1997. — Вып. 3. — С. 57—82.
18. Могилева И. И. История и Утопия в лирическом творчестве Сергея Есенина (1913—1918 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / И. И. Могилева. — Великий Новгород, 2002. — 23 с.
19. Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века / В. В. Мусатов. — Москва : РГГУ, 1998. — Ч. 1. — 485 с.
20. Павловски М. Религия русского народа в поэзии Есенина / М. Павловски // Столетие Сергея Есенина : Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1997. — Вып. 3. — С. 93—115.
21. Пяткин С. Н. Исповедальность как выражение национального мироощущения в лирике Есенина 20-х годов / С. Н. Пяткин // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд : материалы Международной научной конференции. — Рязань : РГПИ, 2005. — С. 129—149.
22. Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина : монография / С. Н. Пяткин. — Большое Болдино; Арзамас : АГПИ, 2010. — 377 с.
23. Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине / И. Н. Розанов // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 1. — С. 428—445.
24. Севастьянова А. А. Пугачев А. С. Пушкина и Пугачев С. А. Есенина : заметки историка / А. А. Севастьянова // Современное есениноведение. — 2015. — № 3 (34). — С. 69—73.
25. Скатов Н. Н. Пушкин : очерк жизни и творчества / Н. Н. Скатов. — Ленинград : Детская литература, 1991. — 240 с.

26. *Сквозников В. Д.* Пушкин. Историческая мысль поэта / В. Д. Сквозников. — Москва : Наследие, 1999. — 232 с.
27. *Тойбин И. М.* Пушкин. Творчество 1830-х гг. и вопросы историзма / И. М. Тойбин. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 1976. — 278 с.
28. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция / Л. Д. Троцкий. — Москва : Политиздат, 1991. — 400 с.
29. *Цветаева М. И.* Избранные сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. — Москва : Литература; Санкт-Петербург : Кристалл, 1999. — Т. 2. — 656 с.
30. *Шатин Ю. В.* Исторический нарратив и мифология XX века / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2002. — Вып. 5. — С. 100—108.
31. *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Черного человека» : творческая история, судьба, контекст и интерпретация / Н. И. Шубникова-Гусева. — Москва : Наследие, 2001. — 687 с.
32. *Щедрина Н. М.* Стихия народного сознания в драматической поэме С. Есенина «Пугачев» / Н. М. Щедрина // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд : материалы Международной научной конференции. — Рязань : РГПИ, 2005. — С. 284—292.
33. *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта : монография / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Советский писатель, 1984. — 368 с.
34. *Энгельгардт Б.* Историзм Пушкина (к вопросу о характере пушкинского объективизма) / Б. Энгельгардт // Пушкинист : историко-литературный сборник. — Петрозаводск : Фототипия и типография А. Ф. Дресслера, 1916. — С. 60—156.

Historical Narrative of Yesenin's Poem "Pugachev" as Dialogue-Rivalry with Pushkin

© **Pyatkin Sergey Nikolayevich (2017)**, Doctor of Philology, professor, Head of Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia), nikolas_pyat@mail.ru.

The article is devoted to historicism of Yesenin's poem "Pugachev" (1921) in the light of A. S. Pushkin's concept of national history, where there are his works in the foreground, united by "Pugachev's" topic. The novelty of the research lies in the fact that the first attempt of understanding of polemical dialogue between Pushkin and Yesenin from the point of view of literary study was made, reflected in the idea of the "Pugachev" poem and determined the ideological and philosophical constructs of Yesenin's historicism. Special attention is paid to the role of legend in historiosophical position of Pushkin and Yesenin, and their relationships with Christian axiology, and also to the place of Yesenin's treatise "Maria's Keys" in the artistic philosophy of its author, expressed in the dramatic poem "Pugachev." It is concluded that Yesenin's historical event becomes the auxiliary mate-

rial for the creation of a new legend, by its values being out the principles of Pushkin's historicism. The author argues that in a polemical dialogue between Pushkin and Yesenin, expressed in a declarative treatment of the later poet to one of the most important predecessor in ethical and artistic terms, one should see defence of his own positions in contemporary literature, typical for Yesenin's works of these years.

Key words: Pushkin, Yesenin; "Captain's Daughter"; "Pugachev"; "Maria's Keys"; historical narrative; historicism; legend; life and creativity.

References

- Belinskiy, V. G. 1976—1982. *Sobraniye sochineniy, 9/7: Statyi, retsenzii i zametki*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Belyaeva, T. K. 1984. Dramaticheskaya poema S. Esenina «Pugachev» (o vliyanií imazhinizma na tvorchestvo Esenina). In: Esenin, S. A. *Poeziya. Tvorcheskiye svyazi*. Ryazan': RGPI. (In Russ.).
- Blum, X. 1998. *Strakh vliyaniya. Karta perechityvaniya*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. (In Russ.).
- Engelgardt, B. 1916. Istorizm Pushkina (k voprosu o kharaktere pushkinskogo obyektivizma). In: *Pushkinist: istoriko-literaturnyy sbornik*. Petrograd. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. 2004. *Paskhalnost' russkoy slovesnosti: monografiya*. Moskva: Krug. (In Russ.).
- Eydelman, N. Ya. 1984. *Pushkin: Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennom soznanii poeta: monografiya*. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).
- Gadamer, Kh.-G. 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenевitiki*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Grekov, B. D. 1937. *Istoricheskiye vozzreniya Pushkina. Istoricheskiye zapiski: sbornik statey*. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1. (In Russ.).
- Kibalnik, S. A. 1998. *Khudozhestvennaya filosofiya Pushkina*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Klyuev, N. A. 2003. *Slovesnoye drevo: proza*. Sankt-Peterburg: Rostok. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. 2000. *Pushkin: istoriya i predaniye: ocherki*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).
- Kubanev, N. A., Kubanev, N. A. 2006. Poema Esenina «Pugachev» v kontekste traditsiy Pushkina. In: *Sergey Esenin i literaturnyy protsess: traditsii, tvorcheskiye svyazi: sbornik nauchnykh trudov*. Ryazan': Pressa. (In Russ.).
- Kunyaev, St. 1982. Tragediya stikhii i stikhiya tragedii. *Literaturnaya ucheba*, 4: 82—88. (In Russ.).
- Kuzmishcheva, N. M. 2001. Vosstaniye E. Pugacheva v vospriyatii A. Pushkina i S. Esenina. In: *Pushkin i Esenin: Eseninskiy sbornik*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).
- Malchukova, T. G. 1999. Pushkin kak natsionalnyy i politicheskiy myslitel. In: *Dukhovnyy truzhenik: A. S. Pushkin v kontekste russkoy kultury*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Mikhalenko, N. V. 2005. Simvolika ikonnoy tsvetopisi v ranney lirike Esenina. In: *Naslediye Esenina i russkaya natsionalnaya ideya: sovremennyy vzglyad: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Ryazan': RGPI. (In Russ.).

- Mishel Nike. 1997. Gnosticheskiye motivy v «Klyuchakh Marii» Esenina. In: *Stoletiye Sergeya Esenina: Eseninskiy sbornik*. Moskva: Naslediye. 3. (In Russ.).
- Mogileva, I. I. 2002. *Istoriya i Utopiya v liricheskom tvorchestve Sergeya Esenina (1913—1918 gg.): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Velikiy Novgorod. (In Russ.).
- Musatov, V. V. 1998. *Pushkinskaya traditsiya v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka*. Moskva: RGGU. 1. (In Russ.).
- Pavlovski, M. 1997. Religiya russkogo naroda v poezii Esenina. In: *Stoletiye Sergeya Esenina: Eseninskiy sbornik*. Moskva: Naslediye. 3. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N. 2005. Ispovedalnost' kak vyrazheniye natsionalnogo mirooshchushcheniya v lirike Esenina 20-kh godov. In: *Naslediye Esenina i russkaya natsionalnaya ideya: sovremennyy vzglyad: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Ryazan': RGPI. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N. 2010. *Pushkin v khudozhestvennom soznanii Esenina: monografiya*. Bolshoye Boldino; Arzamas: AGPI. (In Russ.).
- Rozanov, I. N. 1986. Vospominaniya o Sergeye Esenine. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1. (In Russ.).
- Sevastyanova, A. A. 2015. Pugachev A. S. Pushkina i Pugachev S. A. Esenina: zametki istorika. *Sovremennoye eseninovedeniye*, 3 (34): 69—73. (In Russ.).
- Shatin, Yu. V. 2002. *Istoricheskiy narrativ i mifologiya XX veka. Kritika i semiotika*. — Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. 5. (In Russ.).
- Shchedrina, N. M. 2005. Stikhiya narodnogo soznaniya v dramaticheskoy poeme S. Esenina «Pugachev». In: *Naslediye Esenina i russkaya natsionalnaya ideya: sovremennyy vzglyad: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Ryazan': RGPI. (In Russ.).
- Shubnikova-Guseva, N. I. 2001. *Poemy Esenina: Ot «Proroka» do «Chernogo cheloveka»: tvorcheskaya istoriya, sudba, kontekst i interpretatsiya*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).
- Skatov, N. N. 1991. *Pushkin: ocherk zhizni i tvorchestva*. Leningrad: Detskaya literatura. (In Russ.).
- Skvoznikov, V. D. 1999. *Pushkin. Istoricheskaya mysl' poeta*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).
- Toybin, I. M. 1976. *Pushkin. Tvorchestvo 1830-kh gg. i voprosy istorizma*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. 1991. *Literatura i revolyutsiya*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Tsvetaeva, M. I. 1999. *Izbrannyye sochineniya*. Moskva: Literatura; Sankt-Peterburg: Kristall. 2. (In Russ.).
- Voronova, O. E. 2002. *Sergey Esenin i russkaya dukhovnaya kultura: monografiya*. Ryazan': Uzorochye. (In Russ.).
- Zakharov, A. N. 1995. *Poetika Esenina: monografiya*. Moskva: Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii. (In Russ.).